

DOI: 10.31862/0130-3414-2021-6-44-53

В.Н. СтепченковаМосковский государственный областной университет,
141014 г. Мытищи, Московская обл., Российская Федерация

Пути обретения истинной любви в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»

Аннотация. Целью статьи является осмысление путей познания и обретения истинной любви в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». Методология статьи носит комплексный характер и основывается на историко-генетическом, аксиологическом и феноменологическом подходах. Поставлена проблема отличия любви земной от любви Божественной. В результате исследования доказывается, что у двух форм любви разная природа, мотивы, плоды. По Достоевскому, Божественная любовь достижима благодаря совокупной последовательности таких явлений, как *страдание*, *смирение* и *покаяние* (Маркел, таинственный незнакомец). Определено, что прийти к высшей форме любви можно через отдельные составляющие указанной триады. Зосима пришел к любви через *покаяние*, Алеша в *смирении*, Дмитрий через *страдание*. Диалектическим выводом статьи является утверждение о необходимости явления любви в действиях, ведущих к полноте ее обретения: *покаяние* без любви предстает простым признанием, не приносящим душевного облегчения (Иван Карамазов, Смердяков), любовь без *смирения* приносит скорбь (Катерина Ивановна, Грушенька), *страдание* без любви приводит к отчаянию (теория Ивана). Выявлено, что с истинной любовью соседствует *сострадание*, которое побуждает к деятельной любви – конкретному проявлению добра, а также *страх Божий*, который удерживает от зла, так как подсознательно указывает на наличие духовной ответственности за совершенные поступки. В процессе исследования сделаны выводы, что смысл человеческого бытия заключается в пути обретения Евангельской любви, который является оборотной стороной обретения веры и познания Бога. Изучение аксиологической установки произведения способствует постижению авторского мировоззрения писателя и формированию духовно-нравственной парадигмы читателя.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, роман «Братья Карамазовы», любовь, покаяние, смирение, сострадание, богобоязнь

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Степченкова В.Н. Пути обретения истинной любви в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Литература в школе. 2021. № 6. С. 44–53. DOI: 10.31862/0130-3414-2021-6-44-53

DOI: 10.31862/0130-3414-2021-6-44-53

V.N. StepchenkovaMoscow Region State University,
Mytishi, Moscow Region, 141014, Russian Federation

Ways to find true love in F.M. Dostoevsky's novel “The Brothers Karamazov”

Abstract. The purpose of the article is to comprehend the ways of knowing and finding true love in the novel “The Brothers Karamazov” by F.M. Dostoevsky. The methodology of the article is of a complex nature and is based on historical-genetic, axiological and phenomenological approaches. The problem of distinguishing earthly love from divine love is posed. As the result of the study, it is proved that the two forms of love have different natures, motives, and fruit. According to Dostoevsky, divine love is attainable through the cumulative sequence of such phenomena as suffering, humility, and repentance (Markel, the mysterious stranger). It has been determined that one can come to the highest form of love through the separate components of this triad. Zosima came to love through repentance, Alyosha in humility, Dmitry through suffering. The dialectical conclusion of the article is the statement about the necessity of the manifestation of love in actions leading to the completeness of its acquisition: repentance without love appears to be a simple confession that does not bring sincere relief (Ivan Karamazov, Smerdyakov), love without humility brings sorrow (Katerina Ivanovna, Grushenka), suffering without love leads to despair (Ivan's theory). It has been revealed that compassion coexists with true love, which encourages active love – a definite manifestation of good, as well as the fear of God, which keeps from evil, as it subconsciously indicates the presence of spiritual responsibility for the actions committed. In the course of the study, it has been concluded that the meaning of human existence lies in the path of gaining gospel love, which is the flip side of gaining faith and knowing God. The study of the axiological attitude of the work contributes to comprehending the author's worldview and forming the reader's spiritual and moral paradigm.

Key words: F.M. Dostoevsky, novel “The Brothers Karamazov”, love, repentance, humility, compassion, fear of God

CITATION: Stepchenkova V.N. Ways to find true love in F.M. Dostoevsky's novel “The Brothers Karamazov”. *Literature at School*. 2021. No. 6. Pp. 44–53. (In Rus.). DOI: 10.31862/0130-3414-2021-6-44-53

В романе «Братья Карамазовы» многие персонажи пытались осмыслить категорию любви: рассказчик размышлял, была ли любовь между Федором Павловичем и Аделаидой Ивановной; говоря об Алеше, повествователь пытался понять, в чем заключалось его «уменье заставить себя полюбить»; Федор Павлович замечал про Ивана, что тот никого не любил, но Алеше, напротив, признавался в любви. Дмитрий рассуждал, в чем отличия понятий «любить» и «влюбиться» [7, т. 14, с. 96]. Иван распознал чувства Катерины Ивановны как «любовь-долг» – все это говорит о соображениях персонажей романа о любви, и как следствие – ее поиск. В «Братьях Карамазовых» описана разная любовь: материнская (Красоткина Анна Федоровна), отеческая (Снегирев Николай Ильич), дружеская (Алеша и Коля), братская (Алеша и братья), между мужчиной и женщиной (Катерина Ивановна и Дмитрий), но для Достоевского главной была Евангельская любовь – такую любовь являли к своим ближним Зосима и Алеша. К.В. Зенин в работе «Идеал любви в творчестве Ф.М. Достоевского» утверждал, что для писателя Любовь и Христос «одно полностью» [9, с. 209]. Во Христе Достоевский видел основу единой, всеобщей любви, ту нравственную силу, которая способна внести гармонию и мир не только в общество, но и в жизнь отдельного человека.

Достоевский наделил Алешу и Зосиму христианской любовью, это видно из описания их жизней и учения старца. Главный герой Алексей с самого начала романа определен как «человеколюбец» [7, т. 14, с. 17], написано, что «людей он любил» [Там же, с. 18]), и неоднократно говорится, что люди

его «любили» [Там же, с. 19]. После акцентированного представления Алеши как носителя и источника любви, читатель воспринимает поступки и действия молодого человека как заведомо исполненные любви, что облегчает понять их мотивацию. Этот прием Р. Бэлнеп называет «читательское ожидание» [4, с. 76]. Так же и про старца Зосиму говорили, что он любил людей, особенно тех, «кто грешнее» [7, т. 14, с. 28], следуя словам Иисуса о том, что «не здоровые нуждаются во врачах, а больные» (Мк. 2:17). И многие в ответ «любили его всем сердцем, горячо и искренне» [Там же, с. 28]. Алеша объяснял, за что Зосиму так любят: для души русского простолюдина, измученной трудом и грехом, «нет сильнее потребности и утешения, как обрести святыню или святого, пасть пред ним и поклониться ему», ведь старец – «хранитель Божьей правды к глазам народа» [Там же, с. 29]. Любовь была главным связующим звеном в отношениях Алеши и Зосимы: молодой человек привязался старцу «всею горячею первою любовью своего неутолимого сердца» [Там же, с. 18], и Зосима «очень полюбил его и допустил к себе» [Там же, с. 29].

Через учение и жизнь старца Зосимы Достоевский доносит до читателей сущность и значение любви, а через Алешу учит, как надо любить людей «деятельно». О том, что любовь Зосимы и Алеши носила христианский характер, говорит наличие таких специфических свойств, как жертвенность, кротость, смирение, долготерпение, радость – все это присутствовало как в жизни старца, так и в жизни Алексея. Имея во многом равные возможности, одни герои романа находят любовь, а другие так

и остаются в поиске. В своем художественном мире писатель показывает пути, благодаря которым можно достигнуть Евангельской любви. Тему любви и добра в творчестве Достоевского изучали такие исследователи, как А.А. Алексеев, Е.Ю. Алексеева [1], митр. Антоний (Храповицкий) [2], Г.В. Валеева [5], С.И. Гессен [6], К.В. Зенин [9], преп. Иустин (Попович) [10], Т.Г. Магарил-Ильяева [14; 15].

Один из путей, ведущих к Любви, а также воскресению и жизни – *покаяние*. А.И. Осипов писал: «Достоевский, кажется, только и пишет о “карамазовых”, о преступниках, об убийцах, возрождающихся через осознание своей греховности и покаянием восходящих к началам новой жизни» [16, с. 64]. Именно с покаяния началось духовное возрождение молодого Зосимы: после избиения со «зверской» жестокостью денщика Афанасия, закралось в его душу что-то «позорное и низкое». Достоевский показывает, что у Зосимы был выбор – заглушить свою совесть объяснением «оттого ли, что кровь иду проливать» или оправданием «оттого ли, что смерти боюсь?» [7, т. 14, с. 270], а от мыслей о денщике молодой офицер мог откреститься: ведь «случалось и прежде, что ударял его» [Там же]. И даже после осознания причины душевного терзания, что «дело в том, что я с вечера избил Афанасия» [Там же], Зосима мог проигнорировать зов совести: ведь он уже сел с поручиком в коляску и приготовился к дуэли. Но в один миг он сбегает и бежит в каморку к Афанасию. Достоевский изображает эту сцену эмоционально, ведь это был момент духовного возрождения молодого человека: «бух ему в ноги лбом до земли: “Прости меня!” <...> ладонями обеими закрыл лицо <...>

от слез так и затрясся» [Там же, с. 271]. После этого офицер почувствовал себя «победителем» [Там же, с. 274].

О душевном перевороте говорит не только решение отказаться от дуэли, но и изменившееся отношение к своему противнику: вначале написано, что он «запылал от мщением», но уже потом, на дуэли, глядел на него «любя» [Там же, с. 271]. В момент покаяния Зиновий (так звали в миру будущего старца) вспоминал своего брата Маркела («и вспомнил я тут моего брата» [Там же, с. 270]), который от отрицания Бога через покаяние («простите и вы меня, потому что и пред вами я согрешил» [Там же, с. 263]) пришел к Божьей любви («каждый день все больше и больше <...> трепеща любовью» [Там же, с. 262]). Стоя на дуэли, выбросив пистолет и попросив прощения у своего соперника, Зиновий заключил словами своего брата: «жизнь есть рай» [Там же, с. 270].

Митр. Антоний (Храповицкий) писал: «покаяние и возрождение, грехопадение и исправление <...> только около этих настроений вращается вся жизнь всех его героев» [2, с. 20]. Формулу «грех-покаяние-любовь» Достоевский применяет и к таинственному незнакомцу. Земная любовь, исполненная ревности, подтолкнула его к убийству возлюбленной, и после этого пришли муки совести, бывшие «не в подъем своим силам» [7, т. 14, с. 278]. Мужчина думал искупить грех «тайною мукою», но «чем дальше, тем сильнее становилось страдание» [Там же, с. 279]. И только всенародное покаяние принесло в его душу радость и мир. Речь незнакомца была взволнована, патетична, об этом говорит преобладающая инверсия в его фразах:

«умираю, но радость чувствую» (вместо «чувствую радость»), «после стольких лет впервые» (ср.: впервые после стольких лет), «в душе моей рай» (ср.: в *моей* душе), «смею любить детей моих и лобызать» (ср.: *моих* детей), «не поверят никогда и дети» (ср.: и *дети* никогда не поверят), «милость Божию вижу в сем» (ср.: в *сем* вижу милость Божию). Слова про рай опять отсылают к Маркелу, утверждавшему, что «жизнь есть рай» [7, т. 14, с. 202], и эти слова незнакомец услышал от молодого Зосимы. Таким образом Зосима исполнил повеление брата «живи за меня» и передал духовную жизнь таинственному незнакомцу и в дальнейшем нес всем, кто приходил к нему за помощью. Про старца митр. Антоний (Храповицкий) отмечал, что «не через искусственную проповедь, но через исповедь, через раскрытие своего сердца и через всю свою жизнь призывает братьев к покаянию и любви» [2, с. 26]. Верующую бабу старец наставлял: «Коли каешься, так и любишь. А будешь любить, то ты уже Божья» [7, т. 14, с. 29]. Алеша также располагает людей к открытости и побуждает к покаянию. Об этом говорит Грушенька, госпожа Хохлакова, Лисе [Там же, с. 319, 194; 7, т. 15, с. 15] – «всякий из них, как и любой живой человек, еще имеет время на покаяние и исправление, на метанойю – “изменение ума”, то есть на то, что должно произойти с человеком в результате таинства его покаяния» [1, с. 149].

Следующий путь к Любви – смирение. «Смирение, по Достоевскому, способно обращать грешников и насаждать царство Божие» [2, с. 30]. Так к покаянию и осознанию рая в душе Маркел пришел через смирение: вначале вынужденное – болезнь, потом

сознательное – пост [7, т. 14, с. 261]. Даже такое чувство, как любовь, теряет свою Божественность без смирения: лишенное смирения, оно может приносить скорбь и отчаяние. Такой является любовь Катерины Ивановны (любовь – долг), Грушеньки (любовь – страдание), Лизы Хохлаковой (любовь – каприз), Федора Павловича (любовь – страсть), Дмитрия Карамазова (любовь – ревность). Напротив, смиренная любовь является источником добра – это любовь безной сестры Илюши, «ангела Божьего во плоти» [Там же, с. 185], любовь матери Софьи Ивановны, обладавшей «феноменальным смирением и безответностью» [Там же, с. 14], любовь Зосимы и Алеши. Антоний (Храповицкий) говорил: «Смиренная, сострадающая любовь есть эта воскрешающая сила: любовь без смирения – мука, приводящая к истязаниям и самоубийствам» [2, с. 41]. О смиренной любви учил и старец Зосима: «...видя грех людей, и спросишь себя: “взять ли силой, али смиренною любовью?” Всегда решай: “возьму смиренною любовью” <...> Смирение любовное – страшная сила, изо всех сильнейшая, подобной которой и нет ничего» [7, т. 14, с. 289]. Таким образом, смирение является одним из путей, ведущих к добру и любви, А.И. Осипов говорил о важности смирения: «Без смирения не может быть исправления, в котором нуждаются все без исключения живущие <...> Смирение является твердой основой, солью всех добродетелей. Без него они вырождаются в лицемерие, ханжество, гордыню» [16, с. 60].

Достоевский показывает, что путь добра и любви проходит через *сострадание*, которое он толкует как «способность понять человека, проникнуть

в то доброе, что у него есть, оценить его, освобождая его от примеси лжи» [2, с. 42]. Писатель много говорит о сострадании как о национальной черте русского народа. Одним из ярких примеров, описанным в «Дневнике писателя» 1876 г., является рассказ про мужика Марее – представителя русского народа, который пожалел маленького испуганного Федора. Достоевский так вспоминал этот эпизод: «Только Бог, может, видел сверху, каким глубоким и просвещенным человеческим чувством и какою тонкою, почти женственною нежностью может быть наполнено сердце иного грубого, зверски невежественного крепостного русского мужика, еще и не ждавшего, не гадавшего тогда о своей свободе» [7, т. 22, с. 49]. Состраданием Достоевский наполнил и слугу Федора Павловича Карамазова Григория, который приютил маленьких хозяйских детей: «Трехлетнего мальчика Митю взял на свое попечение верный слуга этого дома Григорий, и не позаботься он тогда о нем, то может быть, на ребенке некому было бы переменить рубашонку» [7, т. 14, с. 414]. Благодаря состраданию к своему товарищу Илюше, изменились его одноклассники, и «это принесло огромное облегчение в его страданиях» [Там же, с. 455]. Илюша был тронут, «увидев почти нежную дружбу и участие <...> прежних врагов своих» [Там же], а мальчики смогли показать свои добрые детские сердца. Сострадание испытывает Алеша Карамазов ко всем окружающим. Грушенька про него говорит: «Пожалел он меня первый, единый <...> Я всю жизнь такого как Ты ждала, знала, что кто-то такой придет и меня простит!» [Там же, с. 323]. Алеша проявлял сострадание к братьям, отцу,

штабс-капитану Снегиреву – все они чувствовали его сострадательную любовь, живительной водой орошавшей их сердца! «Сострадательная любовь проникает во все сферы жизни и пробивает ледяную кору сердец, преобразует внутреннюю природу ближних, создавая в их душах бессознательные добрые расположения» [3, с. 268–269].

Достоевский показывает, что обрести любовь можно путем *страданий*. Любовь-агапе не возникает на ровном месте, человек должен пройти «горнило сомнений» [8, с. 696], испытаний и страданий. Страдальческим путем пришел к Богу юный брат Зосимы и Илюша: «Смерть Ильюшечки, принесшая с неба на землю всем окружающим большим и малым, благодать любви и примирения, – это ответ автора на “бунт” Ивана Карамазова, который не мог примирить Божественного правосудия с наличием страдания невинных детей», – отмечал митр. Антоний (Храповицкий) [3, с. 307]. Именно через страдание жаждал очиститься Дмитрий Карамазов. И.А. Ильин писал: «Страдание – далеко не зло; страдание – это, так сказать, цена за духовность, за ту священную грань, за которой начинается преобразование животной сущности человека в сущность ценностную» [10, с. 473]. В «Преступлении и наказании» Достоевский также писал о необходимости страданий: «Страдания и боль всегда обязательны для широкого сознания и глубокого сердца» [7, т. 6, с. 203].

Г.В. Валеева отмечала по отношению к Достоевскому: «Он формулирует парадоксальную мысль о том, что человек имеет потребность в страдании, поскольку оно имеет возрождающую силу. Жизнь – есть искупление

вины через боль и страдание» [5, с. 52]. Писатель верил, что в страданиях сгорает зло. Словно сквозь чистилище Достоевский проводит своих героев через скорби к преддвериям рая. В черновых записях к «Преступлению и наказанию» Достоевский писал: «Нет счастья в комфорте, покупается счастье страданием <...> Человек не рождается для счастья. Человек заслуживает свое счастье, и всегда страданием» [7, т. 7, с. 154–155]. У писателя было христианское понимание зла и скорбей: в его письмах сибирского периода часто встречаются выражения «все от Бога и у Бога» [Там же, т. 28 (1), с. 180], «все в руках Божиих», «я, надеясь на Бога, не задремлю и сам» [Там же, с. 269]. Достоевский показывает своим читателям, что возможно преодолеть зло: «путь свободы – это неизбежное столкновение со злом и возможное его преодоление. Преодоление зла заключает в себе страдальческое искупление вины» [15, с. 135]. Митя и Грушенька смогли пройти трудности и обрести любовь. У Мити этому предшествовал душевный кризис: пошатнулись все жизненные устои, молодой человек побывал на грани самоубийства [7, т. 14, с. 370], прошел через «стыд и позор» [Там же, с. 441], и, как он думал, совершил страшный грех – убийство Григория. Грушенька приходит к любви также после крушения всех надежд, мечтаний, после того как долгожданный жених оказался проходимцем, и она понимает, что ждать больше нечего. «Достоевский показывает, что смысл страданий многогранен – это путь, на котором душа очищается и спасается» [18, с. 267].

Не менее важно в жизни христианина присутствие *страха* Божьего,

который также направляет к Любви. Как и любовь, страх бывает разный. Достоевский в «Дневнике» описывает смертельный страх, от которого цепенеешь: «Знаете ли, что такое смертный страх? <...> Это невыносимо, это горячечный кошмар, только наяву и, стало быть, во сто раз мучительнее» [7, т. 23, с. 18]. Также писатель это чувство называет «животный страх самосохранения» [Там же, т. 25, с. 210]. Автор изображает в «Братьях Карамазовых» подобные случаи, например, состоянии Фени, служанки Грушеньки, когда Дмитрий в исступлении напал и душил ее [Там же, т. 14, с. 357]. Иван Карамазов говорил о страхе мальчика, на которого собираются натравить собак [Там же, т. 15, с. 228]. Есть и другие виды страхов, которые не ведут ни к Богу, ни к покаянию. Старец Зосима предостерегал от такого страха: «Страха тоже убегайте, хотя страх есть лишь последствие всякой лжи. Не пугайтесь никогда собственного вашего малодушия в достижении любви, даже дурных при этом поступков ваших не пугайтесь очень» [Там же, т. 14, с. 54].

Совершенно иной страх – это тот, который обращает мысли человека к Богу. По словам Достоевского, человек в своих грехах может дойти до такого состояния, когда начинает желать этого страха: «Не хочу безобразия, не хочу пить вина, а хочу правды и страха Божьего, а главное правды, правды прежде всего» [Там же, т. 21, с. 59]. Подобный необъяснимый страх периодически находил и на Карамазова-отца: «Федор Павлович вдруг ощущал в себе иной раз, пьяными минутами, духовный страх и нравственное сотрясение, почти так сказать даже физически

отзывавшееся в душе его. «Душа у меня точно в горле трепещется в эти разы», говаривал он иногда» [7, т. 14, с. 86]. Это тот страх, который рождается в глубине нашей души от понимания, что за пределами земной жизни надо будет дать ответ за все наши поступки, отчего Федор Павлович интересовался, есть ли в аду «потолок и крючья», из чего эти крючья сделаны и откуда берутся. Госпожа Хохлакова интересуется, что будет после смерти, все ли закончится «лопухом» на могиле. По ее мнению, страх перед подобными вопросами вынуждает задуматься о вере [Там же, с. 52]. Через диалоги своих героев Достоевский обращает взор читателей к миру горнему и дает возможность каждому задуматься о том, что ждет человека после окончания земного пути. Митр. Антоний (Храповицкий) писал, что «страх загробного воздания <...> необходимо побуждает человека к исполнению воли Божией» [2, с. 261]. К.Н. Леонтьев рассуждал: «Начало премудрости (то есть настоящей веры) есть страх, а любовь – только плод. Нельзя считать плод корнем, а корень плодом» [13, с. 75].

Высшее видимое проявление любви – это деятельная любовь [6, с. 314], т.е. конкретное проявление добра. Старец Зосима говорил, что это добро имеет двойное благотворное воздействие, потому что сказывается не только на том, на кого направлено,

но и на том, кто совершает это добро: оно не только «не подпитывает эгоцентрические силы, но и укореняет на их месте прямо противоположные начала» [19]. В романе мы видим, что в жизни главного героя Алеши Карамазова деятельная любовь занимала особое место. Именно благодаря ей жизни людей вокруг молодого человека менялись. Силу для деятельной любви Алеша брал в вере в Бога.

Таким образом, по Достоевскому, прийти к любви в ее высшем проявлении в форме Евангельской деятельной любви возможно через покаяние, смирение, сострадание, страдания, страх Божий. Сама же любовь предстает «как путь к вечной жизни» [14, с. 291]; по словам преп. Иустина (Поповича), «путем обретения любви» приходим «к реальному познанию Вечной Истины» [11, с. 186]. Источником такой любви является Бог, поэтому в вопросе познания и обретения любви первостепенную роль играет вера, так как только через христианскую призму можно «воспринимать мир как совершенное творение Бога» [12, с. 123–124] и в полной мере осознать такие категории, как добро и любовь. По словам В.С. Соловьева, Достоевский, «приняв в свою душу всю жизненную злобу, всю тяготу и черноту жизни, преодолел все бесконечной силой любви. Во внутренней силе любви писателю открылась действительность Бога и Христа» [17, с. 290].

Библиографический список

1. Алексеев А.А., Алексеева Е.Ю. Творчество Ф.М. Достоевского как художественное воплощение Евангельской любви // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2018. № 2 (38). С. 146–152.
2. Антоний (Храповицкий), митрополит. Ф.М. Достоевский как проповедник возрождения. Нью-Йорк, 1965.
3. Антоний (Храповицкий), митрополит. Избранные труды. Письма. Материалы. М., 2007.

4. Бэллнеп Р.Л. Структура «Братьев Карамазовых». СПб., 1977.
5. Валева Г.В. Проблема добра и зла в творчестве Ф.М. Достоевского // Гуманитарные ведомости ТГПУ имени Л.Н. Толстого. 2017. № 3 (23). С. 49–54.
6. Гессен С.И. Трагедия добра в «Братьях Карамазовых» Достоевского // Современные записки. 1928. Кн. 35. С. 308–338.
7. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л., 1972–1990.
8. Достоевский Ф.М. Записная тетрадь (1880–1881) // Литературное наследство. Т. 83. М., 1971. С. 517–666.
9. Зенин К.В. Идеал любви в творчестве Ф.М. Достоевского // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2010. № 13 (56). С. 209–219.
10. Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 6, кн. 3. М., 1997.
11. Иустин (Попович), преп. Философия и религия Ф.М. Достоевского. Минск, 2007.
12. Киселева И.А. «Пророк» (1826) А.С. Пушкина и «Пророк» (1841) М.Ю. Лермонтова: сравнительная семантика мотивного комплекса // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 1. С. 111–129.
13. Леонтьев К.Н. О всемирной любви // Властитель дум. Ф.М. Достоевский в русской критике конца XIX – начала XX века. СПб., 1997. С. 68–102.
14. Магарил-Ильяева Т.Г. Ф.М. Достоевский и Вл. Соловьев: смысл любви // Литература и религиозно-философская мысль конца XIX – первой трети XX века. М., 2018. С. 287–295.
15. Магарил-Ильяева Т.Г. Богословие Достоевского в понимании Бердяева // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2020. № 3 (11). С. 117–139.
16. Осипов А.И. Достоевский и христианство // Журнал Московской патриархии. Художественная литература. 1997. № 1. С. 56–64.
17. Соловьев В.С. Три речи в память Достоевского // Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1988. С. 290–323.
18. Степченкова В.Н. Проблемы теодицеи и нравственного самоопределения в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Евангельский текст в русской словесности: сборник тезисов докладов X Всероссийской научной конференции. Петрозаводск, 2020. С. 266–267.
19. Тарасов Ф.Б. Ф.М. Достоевский «Братья Карамазовы» (1879–1880) // Образовательный портал «Слово. Филология. Литература». URL: https://www.portal-slovo.ru/philology/37089.php?ELEMENT_ID=37089&SHOWALL_1=1 (дата обращения: 06.03.2021).

References

1. Alekseev A.A., Alekseeva E.Yu. Tvorchestvo F.M. Dostoevskogo kak hudozhestvennoe voploshchenie Evangelskoj lyubvi [F.M. Dostoevsky's creation as an artistic embodiment of Gospel love]. *Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2018. No. 2 (38). Pp. 146–152. (In Rus.)
2. Antony (Hrapovicky), mitropolit. F.M. Dostoevskij kak propovednik vrozhdeniya [F.M. Dostoevsky as a preacher of revival]. New York, 1965.
3. Antony (Hrapovicky), mitr. Izbrannye trudy. Pisma. Materialy [Selected Works. Letters. Materials] Moscow, 2007.
4. Belknap R.L. Struktura «Brat'ev Karamazovykh» [The Structure of “The Brothers Karamazov”]. St. Petersburg, 1977.
5. Valeeva G.V. The problem of good and evil in the works of F.M. Dostoevsky. *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L.N. Tolstogo*. 2017. No. 3 (23). Pp. 49–54. (In Rus.)
6. Gessen S.I. The tragedy of the good in Dostoevsky's “The Brothers Karamazov”. *Sovremennye zapiski*. 1928. Book 35. Pp. 308–338. (In Rus.)
7. Dostoevsky F.M. Polnoe sobranie sochinenij. V 30 t. [Complete works in 30 vols.]. Leningrad, 1972–1990.
8. Dostoevsky F.M. Notebook (1876–1877). *Literaturnoe nasledstvo*. Vol. 83. Moscow, 1971. Pp. 517–666. (In Rus.)

9. Zenin K.V. Ideal lyubvi v tvorchestve F.M. Dostoevskogo [The ideal of love in the works of F.M. Dostoevsky]. *Vestnik RGGU. Seriya «Filosofiya. Sociologiya. Iskusstvovedenie»*. 2010. No. 13 (56). Pp. 209–219. (In Rus.)
10. Ilyin I.A. *Sobranie sochinenij. V 10 t.* [Complete works in 10 vols.]. Vol. 6. Book 3. Moscow, 1997.
11. Iustin (Popovich), prep. *Filosofiya i religiya F.M. Dostoevskogo* [Philosophy and religion of F.M. Dostoevsky]. Minsk, 2007.
12. Kiseleva I.A. “The Prophet” by A.S. Pushkin (1826) and “The Prophet” by M.Yu. Lermontov (1841): comparative semantics of the motifs. *The Problems of Historical Poetics*. 2020. Vol. 18. No. 1. Pp. 111–129. (In Rus.)
13. Leontyev K.N. About world love. *Vlastitel dum. F.M. Dostoyevskiy v russkoy kritike kontsa XIX – nachala XX veka*. St. Petersburg, 1997. Pp. 68–102. (In Rus.)
14. Magaril-Ilyaeva T.G. F.M. Dostoevsky and V.I. Soloviev: The meaning of love. *Literatura i religiozno-filosofskaya mysl konca XIX – pervoj treti XX veka*. Moscow, 2018. Pp. 287–295. (In Rus.)
15. Magaril-Ilyaeva T.G. Dostoevsky’s theology as understood by Berdyaev. *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*. 2020. No. 3 (11). Pp. 117–139. (In Rus.)
16. Osipov A.I. Dostoevsky and Christianity. *Zhurnal moskovskoj patriarii. Hudozhestvennaya literatura*. 1997. No. 1. Pp. 56–64. (In Rus.)
17. Solovyev V.S. Three speeches in memory of Dostoevsky. *Sochineniya. V 2 vol.* Vol. 2. Moscow, 1988. Pp. 290–323.
18. Stepchenkova V.N. Problems of theodicy and moral self-determination in the novel by F.M. Dostoevsky “The Brothers Karamazov”. *Evangeliskij tekst v russkoj slovesnosti. Sbornik tezisov dokladov X Vserossijskoj nauchnoj konferencii*. Petrozavodsk, 2020. Pp. 266–267. (In Rus.)
19. Tarasov F.B. F.M. Dostoevsky “The Brothers Karamazov”. (1879–1880). *Obrazovatelnyi portal «Slovo. Filologiya. Literatura»*. URL: https://www.portal-slovo.ru/philology/37089.php?ELEMENT_ID=37089&SHOWALL_1=1 (In Rus.)

Статья поступила в редакцию 25.06.2021, принята к публикации 20.10.2021
The article was received on 25.06.2021, accepted for publication 20.10.2021

Сведения об авторе / About the author

Степченкова Валентина Николаевна – аспирант кафедры русской классической литературы, Московский государственный областной университет, г. Мытищи

Valentina N. Stepchenkova – PhD post-graduate student at the Russian Classical Literature Department, Moscow Region State University, Mytishi

E-mail: st_valentina007@mail.ru